

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации **(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 82-1/-9

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-166-176

EDN: KPIPFS

СОСЛОВНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ ДОВАВТОРСКОГО ПЕРИОДА

Асият Руслановна Борова¹, Марьям Хажидаутовна Хульчаева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ assbora@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0079-6956>

² mariam.li.18@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9871-8202>

Аннотация. В статье впервые в науке ставится и исследуется проблема соотношения стилей текстов, созданных представителями аристократических и производительных сословий. Предлагается новое, оригинальное понимание сюжетно и концептуально значимых элементов цикла песен «Дамалей-Широкие плечи». Вводится новая методологическая особенность: системное обращение к рекреативным практикам и социальным стандартам этноса для интерпретации не только фактологии, но и глубинной (апперцептивной) составляющей текстов. Статья актуальна, так как восполняет научную лауну в изучении адыгского песенного наследия, вызванную идеологическими искажениями в советский период. Исследование актуально не только для адыгской филологии, но и для изучения фольклора всех новописьменных народов, чья культурная история подвергалась схожему давлению. Цель статьи проанализировать сословную специфику образных представлений в кабардинской поэзии доавторского периода. Выявить и описать соотношение стилей текстов, принадлежащих разным социальным слоям (аристократии и производительным сословиям). Предложить интерпретацию ключевых элементов цикла «Дамалей-Широкие плечи» и через нее выйти на образные особенности и сословную специфику эстетической рефлексии произведений. Сделан вывод, что существует сословная специфика в образной системе и эстетической рефлексии кабардинской поэзии, определяемая социальным статусом создателей текстов. Корректное толкование фольклорных текстов требует постоянных отсылок к витальным (жизненным) практикам и социальным стандартам этнического сообщества, а не ограничивается поверхностным сюжетным уровнем. Идеологическое давление советского периода исказило историю формирования и развития словесного творчества адыгских народов, что требует пересмотра и уточнения. Работа обозначает перспективное направление для дальнейших исследований, задавая методологию анализа через призму социальной стратификации.

Ключевые слова: традиция; фольклорные жанры; адыгский фольклор; художественная рефлексия; условно-поэтический; культурный; сословность; эстетический; аксиологический.

Для цитирования: Борова А.Р., Хульчаева М.Х. Сословная специфика образных представлений кабардинской поэзии доавторского периода // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 166-176. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-166-176. EDN: KPIPFS.

© Борова А.Р., Хульчаева М.Х., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

CLASS SPECIFICITY OF FIGURATIVE IDEAS IN KABARDIAN POETRY OF THE PRE-AUTHOR PERIOD

Asiyat R. Borova¹, Maryam Kh. Khulchaeva²^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia¹ assbora@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0079-6956>² mariam.li.18@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9871-8202>

Abstract. In the article, for the first time in science, the problem of the correlation of styles of texts created by representatives of aristocratic and productive classes is posed and investigated. A new, original understanding of the plot and conceptually significant elements of the Damaley-Broad Shoulders song cycle is proposed. A new methodological feature is being introduced: a systematic appeal to recreational practices and social standards of the ethnic group for the interpretation of not only factology, but also the deep (apperceptive) component of texts. The article is relevant, as it makes up for the scientific gap in the study of the Adyghe song heritage caused by ideological distortions in the Soviet period. The study is relevant not only for Adyghe philology, but also for the study of folklore of all newly written peoples, whose cultural history was subjected to similar pressure. The purpose of the article is to analyze the class specifics of figurative representations in Kabardian poetry of the pre-author period. Identify and describe the ratio of styles of texts belonging to different social strata (aristocracy and productive classes). To offer an interpretation of the key elements of the cycle "Damaley-Broad Shoulders" and through it to reach the figurative features and class specifics of the aesthetic reflection of the works. It was concluded that there is class specificity in the figurative system and aesthetic reflection of Kabardian poetry, determined by the social status of the creators of the texts. Correct interpretation of folklore texts requires constant references to vital (life) practices and social standards of the ethnic community, and is not limited to a superficial plot level. The ideological pressure of the Soviet period distorted the history of the formation and development of verbal creativity of the Adyghe peoples, which requires revision and clarification. The work marks a promising direction for further research, setting the methodology of analysis through the prism of social stratification.

Key words: tradition; folklore genres; Adyghe folklore; artistic reflection; conditionally poetic; cultural; class; aesthetic; axiological.

For citation: Borova A.R., Khulchaeva M.Kh. The Image of Albasly and Its Relationship with Female Images in Nogai Prose of the Second Half of the 20th Century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 166-176. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-166-176. EDN: KPIPFS.

© Borova A.R., Khulchaeva M.Kh., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Особенностью традиций словесного народного творчества адыгов можно считать то обстоятельство, что фольклор необходимо признавать плодом коллективного творчества лишь условно. Равным образом сомнения вызывает понятие

«народного». В современных трактовках, начало которым было положено в период соцреалистического подхода, определение «народного» подразумевало, прежде всего, общие усилия и отсутствие конкретных авторов у текстов. В данном случае это было не совсем так. Более всего ситуация с песенным наследием – по крайней мере, с ранним – адыгов напоминает положение, сложившееся в западной Европе, точнее, в Провансе, в эпоху трубадуров – с той лишь разницей, что народы Северо-Западного Кавказа в Средневековье не имели письменности и развитых институтов авторства. Словесное творчество было прерогативой феодальных слоев населения и реализовывалось в такой специфической группе, как «джегуако» – группе профессиональных рапсодов-сочинителей и исполнителей песен в музыкальном сопровождении. Вопросы, связанные с творчеством джегуако, подробно изучались целым рядом национальных исследователей, а, в целом, подробно освещены в фундаментальной монографии Заура Налоева «Институт джегуако» [Налоев 2011: 26].

Не вдаваясь в подробный анализ этого замечательного исследования, отметим лишь, что автор вполне справедливо предполагает феодальный характер творческих ресурсов этноса, всецело относя общий объем раннего песенного наследия адыгов к творчеству авторов-аристократов. Повторимся – на первых стадиях развития адыгского песенного фольклора в его жанрово упорядоченном формате. Попросту говоря, классические хрестоматийные стандарты фольклорных жанров такие как горевания, набеговые песни, величальные песни и все прочее, связанное с военными практиками народа, создавались по мнению З. Налоева, группами профессиональных авторов – выходцами из высших слоев этносоциума [Налоев 2011: 27].

Их тексты отмечены особой эстетизированной лексикой, набором определенных образных клише, как правило, лишенных жизненной конкретики, ориентированных на культурное ассоциативное восприятие, и, в норме, чурающихся указаний на материальность, можно даже сказать более – реальность описываемого объекта. Собственно говоря, адыгская фольклорная словесность, лежащая в границах творчества аристократов-джегуако, являет нам лексическое и образное наполнение, подчиняющееся непреодолимым стилистическим ограничениям.

Результаты

Само по себе канонизированное бытование подобных текстов, их предпочтительные и обязательные исполнения, приуроченные к различным памятным датам и событиям, предопределили большую сохранность по сравнению с теми произведениями, которые, как можно предполагать, создавались непосредственно в народной среде и до определенного момента не подлежали фиксации в памяти этноса, функционируя, как, исключительно, ситуативные, узко актуальные произведения. Тем не менее, со временем и эти народные творения начинают проникать в общий фонд национальной памяти, формируясь в отдельный сектор словесного наследия, эволюция и развитие которого, в конце концов, привели к появлению Бекмурзы Пачева.

Явные признаки отхода от канонических систем представления в адыгском фольклоре начинают наблюдаться в XVII в. [Борова 2015: 61] и первыми маркерами зарождения традиции стихосложения вне пределов аристократических страт становятся образные специфические особенности текстов новой формации. Однако еще до окончательного становления норм словесности в пределах низших социальных слоев, сам институт джегуако обогатился новыми структурами, представлявшими собой своеобразное расширение корпуса певцов-рапсодов, образовавшееся в глубинах адыгского крестьянства. Исполнители этого типа назывались «джегуатлями» [Налоев 2011: 26] и сферой приложения их сил были шуточные сатирические тексты, высмеивающие тех или иных представителей сословий, пародии, бурлескные произведения и скоморошество. Достаточно быстро словесное творчество адыгских народов переходит от канонической элитарности к тому, что можно назвать юморным смеховым началом, народной смеховой культурой [Бахтин 2010: 12], не знающей эстетических и мировоззренческих границ и, главное, запретов.

К тому же, уже в середине XVII в. адыгские народы, по крайней мере, часть из них прошли через социальные катаклизмы, которые можно назвать – естественно, с какими-то оговорками – демократическими революциями, результатом которых стало изгнание нобилитета. И если кабардинцы, бжедуги, темиргоевцы и ряд других в полной мере сохранили свою сословность и приоритет аристократических слоев, то, например, абадзехи и шапсуги к концу XVIII в. трансформировались в своеобразные народные демократии, не знающие иерархии классов [Гарданов 1967: 128]. Поэтому, с точки зрения социального расслоения и бытования сословности, народная словесность адыгских народов может быть охарактеризована, как нечто среднее. Это при том, что, вне зависимости от истории генезиса конкретного народа, идентификационные признаки всех адыгов отличались единством, можно сказать, монолитностью. К началу XV в., когда кабардинцы (предположительно) начали массовую миграцию из западного Причерноморья и Приазовья на Центральный Кавказ [Налоев 2011: 26], их внутренняя этническая дифференциация была, практически, изжита, и мифологическое ведение родословной кабардинских князей от предка араба стало не более, чем маркерной метой сословной структуризации. Бесспорное культурное, материальное, даже имущественное равноправие различных страт адыгских обществ отмечают все наблюдатели, начиная с XV в. [Интерриано 1974: 50]. Одновременно, нормы поведения и мотивации нобилитета воспринимались всей народной массой в качестве эталонных. Сущностью и единственной привилегией адыгской феодальной прослойки была ее социетальная функция.

Одновременно с этим переход из одного слоя социума в другой у адыгов был очень затруднителен. Можно утверждать, что единственным, более-менее достоверно зафиксированным случаем была жизнь и судьба мудреца и дипломата Жабаги Казаноко, вступившего в общество безродным найденышем, мальчиком-подпаском. Но Жабаги Казаноко – случай уникальный, дошедший до нас в позднейшей народной трактовке событий, по природе своей связанной с фольклорными представлениям об окружающем, с интерпретациями сказочного характера и, в любом случае, далекими от сухой фактологии.

В реальности путь от дворянина-урка до князя был непреодолим, и почти столь же труден и долог был процесс восхождения от свободного крестьянина-фокотля до дворянина низшего разряда. Подобное положение отчетливо проявлялось и в самих практиках фольклорного творчества: высокие классические жанровые формы оставались прерогативой певцов-рапсодов дворянского происхождения, представители крестьянства, даже перейдя на положение профессиональных сочинителей, ограничивались темами и сюжетами, более свойственными плебсу. Но понятно, что самые одаренные члены сообщества джегуатлей полноценно овладели глоссарием, образностью, концептуалогией и тематикой высоких жанров. По мере необходимости они, конечно же, могли создавать тексты, стилизованные в границах «высокого штиля», и мы, действительно, имеем произведения с признаками некой бинарности и амбивалентности выразительного и семантического ряда. Так, широко известный цикл песен о народном герое Дамалее вполне вписывается в предлагаемую нами картину.

...Уоркам угождая живём.
«Эта жизнь тяжка...
У Дамалея жухлошубое войско,
Войско это водил Пшикан!
...житьё скверное!» – говоря,
...Дамалей отважный выступает.
За ним идущих под сошкой пропускает,
На уорков кричит и в трепет приводит... [НПиИНА, т. III, ч. 1 1990: 224]

Структура художественной рефлексии произведения носит двойственный характер. Например, такой образ, как «под сошкой пропускает», явно относится к традиции аристократического стихосложения джегуако. Само выражение обозначает принятие клятвы-присяги, однако ко времени событий – а это XVIII – век кабардинские феодалы достаточно успешно снабжались вполне компактными ружьями европейской выделки, не требовавшими тяжелых подпорок высотой в половину и более человеческого роста. Подсошники кремневого огнестрела адыгских уорков были не выше колена, если вообще употреблялись – разве что в исключительных случаях; напомним – дворянство адыгов воевало верхом, поэтому принятие и дача присяги в данном тексте не является реальной том смысле, что визуальных оснований из жизненных практик подобная картина не имела. То есть, это сугубо поэтическое эстетизированное эвфемическое выражение некоего ритуального действия. В этой части произведение строго следует канонам стандартам аристократических практик поэтического творчества джегуако. Обычная ситуация для общества с жестким сословным разделением, при котором аристократическая его часть требует для себя особо маркированных художественных текстов, написанных в соответствии незыблемыми правилами. Они, эти правила, подразумевают некую отдаленность от синтаксиса и образности обыденной речи, формируют стиль, тяготеющий к поэтическим фразам и выражениям, восприятие которых подразумевает особую культуру ассоциативных интерпретаций и знания конкретных конвенциональных договоренностей по

умолчанию: «Исследуя поэтическую речь как в фонетическом и словарном составе, так и в характере расположения слов, и в характере смысловых построений,... мы везде встретимся с тем же признаком художественного... Поэтический язык... должен иметь характер чужеземного, удивительного; ... или же языком возвышенным, как язык народных песен, близкий к литературному. Сюда же относятся столь широко распространенные архаизмы поэтического языка, затруднения языка» [Шкловский 1919: 112].

Говорить о том, что классические аристократические тексты были полностью лишены физического содержания, не приходится; мы сталкиваемся с точечными вкраплениями иннервационно значимой информации достаточно часто, практически в каждой из песен: «...Их солнце головы нам печёт, // Их оводы, как собаки злые, кусаются...» [НПИИНА 1990: 224]. Все же, главным типом образного выражения произведений феодалов-джегуако были структуры, ориентированные на внешнюю ассоциативность. Набор устойчивых поэтизмов, осмысление и правильная интерпретация которых требовали совершенно особого знания всех предыдущих словесных практик и всего глоссария, накопленного ранее в сфере условного иносказания и конвенционального трактования поэтических фигур. Думается, это был механизм социальной селекции, позволявший отделить аристократию от производительных слоев при полном равенстве в материальной сфере и в смысле комфорта проживания, столь характерных для адыгских сословных народов. Адыгские феодалы имели возможность создать социальную дистанцию лишь духовного характера, и в этом заходили достаточно далеко – вплоть до создания отдельного тайного языка, непонятного простолюдинам [Клапрот 2008: 229].

Поэтому главным видом художественной презентации в текстах, принадлежащих перу джегуако, соответственно, посвящённых знаковым представителям аристократии этноса, либо событиям из их же жизни, были эстетизированные выражения, семантика которых складывалась в соответствующей среде с заранее известными культурными ограничениями – обычная практика всех народов с развитой сословностью. Опыт словесного творчества подобных культурных ареалов демонстрирует нам единообразные навыки и приёмы художественной рефлексии, тяготеющей к словесным эвфемическим конструкциям, трактуемым в границах неких общественных договорённостей "по умолчанию":

...Бахчисарай о семи углах был,
Эти семь ошейников недоброму хану толстому на шею накиньте!
...Недоброго хана дочь Кустахан-красавица
в женихах разборчивая,
на золотой тахте рыдает... [НПИИНА 1990: 54]

Схожий пример:

...Ечаноков Орзамас,
Самый стройный Темиркан!
Много стрел запasti велит,
Но и неделю в колчане им лежать не даёт.

Сагайдаков оба конца
В походе стираются... [НПИИНА 1990: 50]

Поэтические представления объектов во фрагментах выстраиваются именно указанным образом: эвфемическое обозначение предмета-явления – «Бахчисарай о семи углах», «недоброго хана дочь Кустахан», «Ечаноков Орзамас», «стройный Темиркан» – реализуется и уточняются в едином комплексе с иллюзорными, умозрительными сущностями. Последние реализованы лишь на понятийном, абстрактном уровне или являются условно-эстетическими единицами в силу принадлежности устойчивой поэтической традиции – «много запащаемых стрел, истрачиваемых за неделю», «стёртые концы луков», «золотая тахта». В отдельных случаях реальные, казалось бы, предметы трактуются в тексте, как производные от представленных до этого опозитизированных – «семь ошейников», являющиеся «семью углами» Бахчисарая.

Исследуя становление адыгских сочинителей демократического толка - джегуатлей – З. Налоев пришел к выводу, что «...у западных адыгов... ..скоморошьи... функции отошли к джегуатлям. Но это вовсе не означало, что... модификация джегуако... оторвалась от трудового народа и пристала к знатным условиям; напротив, они продолжали обслуживать своим искусством все слои общества» [Налоев 2011: 26]. Сказанное означает, по всей видимости, что песенники-аристократы могли быть социально и политически консолидированы с массой крестьянства и, таким образом, вполне правдоподобной выглядит версия о феодальной принадлежности авторов цикла Дамалея. Однако мы уверены, что многочисленные примеры критического отношения к представителям нобилитета, проявленные в текстах джегуако, вовсе не означают сочувствия к крестьянам. Насмешки над князьями и отдельными уорками обусловлены их несоответствием – физическим и духовным – канону воина, никоим образом не притеснениями простого люда.

В то же время, ряд признаков, точнее, ряд образных выражений говорит нам о коренных отличиях цикла о Дамалее от текстов классических аристократических произведений. Весьма интересно в этом плане выражение «Жухлошубое войско». Для низших сословий адыгских аристократических сообществ верхней одеждой для зимы служили сыромятные полушубки, обрабатывавшиеся особым способом с помощью скисшего молока и сыворотки, остававшейся после производства сыра. Естественно, овчина, обработанная таким способом в процессе носки подсыхала, становилась заскорузлой и жесткой. Можно сказать, что определение «жухлошубое» не только не относится к сфере условных поэтизмов, но вполне точно передает материальные характеристики предмета, углубляясь даже в особенности процесса его производства. Иначе говоря, подобное описание полушубка категорически не вписывается в границы аристократической системы отражения окружающего, и может быть с большой долей уверенности отнесено к творчеству демократических слоев общества.

Это подтверждается и общим пафосом рассматриваемого произведения, имеющего явно антифеодальную направленность. Во времена Советского Союза

национальный герой кабардинского народа Дамалей-Широкие плечи традиционно назывался крестьянским героем, руководителем крупного антифеодального выступления адыгских простолюдинов XVIII в. В соответствии с идеологическими требованиями доктрины социалистического реализма и сам герой, безусловно, относился к представителям угнетенного класса. Однако некоторые детали текстов о Дамалее свидетельствуют о том, что его прототипом мог быть аристократ, человек имевший лишь опосредованное отношение к крестьянству, либо не имевший такового вообще:

Ты, Дамалей смелый,
Дамалея земля застелена высохшей шкурой.
А предводитель того войска Пшикан,
– Уорки наши воспитанники, мы с ними живём,
Жизнь горемычная, жизнь гадкая, жизнь плохая –
Говорит наш Пшикан и злится.

Пшикан Дамалей смелый... [Антология кабардинской поэзии... 1957: 99] – "уорки наши воспитанники, мы с ними живём" и "...Говорит наш Пшикан и злится // Пшикан Дамалей смелый" – что это такое, если не прямое указание на социальный статус героя? Исходя из общей логики текста, можно предполагать, что речь идет о княжеском воспитаннике – в прямом переводе "пшикан" – а задача этого определения в виде имени собственного – не более, чем ошибка при эдической работе над произведением или уступка идеологическому нажиму при непосредственной публикации текста.

Тем не менее, в условиях классической феодальной Кабарды даже крестьянское восстание не могло проходить под руководством выходца из производительных слоев населения, точнее, могло, с меньшей вероятностью, нежели та, с какой оно возглавлялось бы аристократом. Традиционная Кабарда, жизнь которой регулировалась кодексом «хабзе», была настолько жестко структурированным сообществом, с такой стабильной иерархией вертикальных связей, что допустить мысль о принятии в качестве предводителя крестьянами выходца из своей же среды, видится затруднительным. Исторически адатный ордер восточных адыгов не допускал компромиссов в части позволительных сфер деятельности для представителей различных сословий – настолько, что даже во время ведения прямых боевых действий существовали разнообразные табу, подчеркивавшие исключительную роль нобилитета, его неприкосновенность для представителей нижних страт.

Говоря коротко, мы не видим никаких препятствий для идентификации Дамалея в качестве феодала и одновременно считаем цикл песен о нем плодом творчества джегуатлей – выходцев из крестьян, не столь избирательных в части употребления канонических, условно поэтических единиц при описании событий и объектов. Тексты кабардинского фольклора, фактически, с этого момента своей истории начинают обогащаться автологическими определениями, атрибутикой материального характера, образцами рефлексии, игнорирующими требования по ограничению объектного и аксиологического описания.

Даже не принимая во внимание особый лексический состав рассматриваемого текста – а он, конечно, противоречит глоссариальному наполнению атрибутированных аристократических произведений, мы должны будем учитывать сюжетные перипетии произведения, достаточно прозрачные для социальной идентификации авторов:

...Пшикан Дамалей смелый
В этот день уходит в поле. Насильно
Упитанных пахарей в войско собирает нам... [АКБ 1957: 99]

«Нам» в приведённом отрывке однозначно подсказывает типаж коллективного героя цикла «Дамалей». Вожак, насильно собирающий пахарей в войско восставших, может обозначать только одно: речь идет о людях лично свободных, так сказать, о свободных общинниках – небольшой социальной прослойке, занимавшей промежуточное место между дворянами-уорками и крепостным крестьянством.

Цикл песен о Дамалее-Широкие плечи оказался тем рубежом, за которым началось явное расщепление единого корпуса адыгского фольклора и формирования основ бикультурной общественной жизни кабардинского народа. Куда завел бы этот вектор эволюции этнического словесного творчества, судить трудно. Ясно одно: кабардинцы были весьма далеки от состояния внутри этнической дифференциации на уровне ментальности такого же масштаба, каковая отмечалась в российской среде от начала правления голштинских Романовых вплоть до самой Отечественной войны 1812 г. Однако, вскоре после принятия в 1753 г. российским престолом шерти от представителей баксанской и кашхатауской партий¹, начался процесс активного вовлечения адыгских феодальных структур в социально-политическую систему Российской империи. Уже к началу XIX в. классическая иерархия сословий кабардинского народа претерпела существенные изменения. Статус князей и дворян-узденей заметно снизился, обязательные преференции этих групп постепенно сошли на нет, воинские комплексы эталонного поведения были вытеснены стандартами обычного служилого дворянства.

Заключение

Опыт профессиональных певцов был воспринят крестьянской средой в той мере, которая позволяла создавать тексты, отличавшиеся от «чистых» жанровых образцов только мировоззренческой модальностью и социальной направленностью.

Но в целом «низкосословный» фольклор кабардинского народа формировался и развивался на своих, специфических основаниях, иных, нежели аристократические каноны феодального словесного творчества. При этом необходимо понимать, что возможность появления в крестьянской непрофессиональной среде произведений, отмеченных столь высоким уровнем образного мышления,

¹ Регистр владельцам и знатым их узденям, которые в силе высочайшего Е.И.В. повеления... №. 133, Лл. 182, 183, 184 // Электронный ресурс. Режим доступа: www.vostlit.info. Дата обращения – 17.06.2024 г.

поэтического синтаксиса и композиционной грамотности, в обязательном порядке предварялась долгим периодом роста эстетической рефлексии и общей поэтической культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Антология кабардинской поэзии... 1957 – Антология кабардинской поэзии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. – 229 с. (на каб. яз.)

Бахтин 2010 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч. в 7-ми т. Т. IV. – М.: Языки славянских к-р, 2010. – С. 7-507.

Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 206 с.

Гарданов 1976 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – М.: Наука, 1967. – 331 с.

Интерриано 1974 – *Интерриано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное полвествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 50-51.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. – Нальчик: ООО Тетраграф, 2011. – 408 с.

НПШИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – Т. III. ч. 1. – М.: Изд-во советский композитор, 1990. – 231 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 176 с.

Шкловский 1919 – *Шкловский В.* Искусство как приём // Поэтика: сборник по теории поэтического языка. – Петроград: 18-я Гос. типография, 1919. – Ч. II. – С. 112-113.

REFERENCES

Antologiya kabardinskoi poezhii [Anthology of Kabardian Poetry]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1957. – 229 p. (in Kabardian).

BAKHTIN M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renaissance* [The Creativity of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. In: Bakhtin M.M. *Sobr. soch. v 7-mi t. T. IV.* – M.: Yazyki slavyanskikh k-r, 2010. – P. 7-507. (In Russ.).

BOROVA A.R. *Ehsteticheskie arkhetipy adygskei poezhii: genezis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic Archetypes of Adyghe Poetry: Genesis and Intercultural Exchange]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 206 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskeikh narodov* [The Social Structure of the Adyghe Peoples]. – M.: Nauka, 1967. – 331 p. (In Russ.).

INTERIANO DZH. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe polvestvovanie* [The Life and Country of the Zikh People, Also Known as the Circassians. A Notable Journey]. In: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vekov.* – Nal'chik: Ehl'brus, 1974. – P. 50-51. (In Russ.).

KLAPROT YU. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. – Nal'chik: Ehl'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

NALOEV Z.M. *Institut dzheguako* [The Jeguako Institute]. – Nal'chik: ООО Tetragraf, 2011. – 408 p. (In Russ.).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe people]. – Т. III. ч. 1. – М.: Изд-во советский композитор, 1990. – 231 p. (In Russ.).

NOGMOV SH. *Istoriya adykheiskogo Naroda* [History of the Adyghe people]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1994. – 176 p. (In Russ.).

SHKLOVSKII V. *Iskusstvo kak priem* [Art as a means of]. In: *Pohtika: sbornik po teorii pohticheskogo yazyka.* – Petrograd: 18-ya Gos. tipografiya, 1919. – Ch. II. – P. 112-113. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Р. Борова – доктор филологических наук, профессор.

М.Х. Хульчаева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A.R. Borova – Doctor of Philology, Professor.

M.Kh. Khulchaeva – Candidate of Philology, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.